

* * *

Однажды 10 толернят
Бухали, что поделать?
Один сказал: с женой я спал.
И их осталось девять.

Гуляли девять толернят.
Вокруг – такая осень.
Один сказал: пророк – нахал.
И их осталось восемь.

Играли в шахматы они,
Такая карусель.
Один вот белыми сыграл,
И их осталось семь.

Все феминисты, как один,
Пошли они поесть.
Официантка мимо шла.
И их осталось шесть.

Решили шестеро уже
Харассмент осуждать.
Один потрогал сам себя.
И их осталось пять.

Один закашлял, зачихал,
И загрустил в сортире.
Ему вопрос: ты что, больной?
И их уже четыре.

Другой: молчать я не готов,
Хочу узнать, не скрою,
А что там, братцы, у хохлов?
И их осталось трое.

Сказали трое толернят:
Оставьте нас в покое.
Один забрался в интернет,
И их осталось двое.

Сидели двое толернлят,
Спокойные, как блин.
Один смолчал, другой сказал,
И их уже один.

Пошёл один из толернлят,
Куда глаза глядели.
Где те, кого он защищал,
Его охотно съели.

* * *

Мокрая осень, бульваром иду,
Где вы, зима и метели?
Льда ещё нету на Чистом пруду,
Огари не улетели.

Мокрая осень разбитой страны,
Врет пропаганда настырно.
Люди встревожены или больны,
Огари крикают мирно.

Впрочем, наверное, есть и у них
Разные птичьи разборки.
Кряквы громят и своих, и чужих,
Словно в ковидном Нью-Йорке,

Словно в развратной ковидной Москве...
Огарей бить бесполезно.
С берега голуби смотрят в тоске:
Как же у вас интересно.

* * *

Хорошо было раньше в аду:
Главчертяка рассказывал байки.
И работала ты за еду,
А теперь отдаёшься за лайки.

Говорят, что когда-то паром
Здесь ходил до Речного вокзала.
Мы писали гусиным пером.
Но Земля от людей так устала,

Что, наверное, нету пути.
В нашем доме уже не тревога –
Пресловутым шаром покати.
Мы чужие в песочнице бога.

Покати пресловутым шаром,
В нашем доме. Давай, три-четыре.
Так и вижу тебя с топором
У последнего дерева в мире.

* * *

Она не была красива,
Зато бывала без брюк.
Кота её звали Ксива,
Собаку её Бурдюк.

Советский Союз в загоне,
Но всё же ещё силен.
А муж у неё на зоне,
А пили мы самогон.

Развратничает Тургенев,
Добро обнимает зло.
А было то в Мосрентгене,
Куда меня занесло.

За водку и за спасибо,
За подмосковный юг
Шипел недовольно Ксива
И тявкала зло Бурдюк.

Из проволоки цветочки
Я делал, угрюм и тих.
Она стояла на точке
И продавала их.

Хованское, мир отдельный,
Загадочен и хитёр.
Работали мы в котельной,
Я ватник оттуда спёр.

* * *

А в сердце горькая обида:
Мысль изречённая есть ложь.
Вот так привьёшься от ковида,
А сам от перхоти помрёшь.

* * *

Я пойду в магазин, оставайся в постели.
Оставайся в постели, а я в магазин.
Самолёты на юг воевать улетели,
Им не видеть уже наших горных вершин.

Им не видеть, а ты оставайся в кровати,
Оставайся в кровати, и вниз не смотри.
А за окнами снег, ты сегодня некстати.
Как некстати сегодня горят фонари.

А за окнами снег и холодные ели.
То ли вечер уже, то ли всё ещё ночь.
Никуда не ходи, оставайся в постели,
Оставайся в постели, а прочее – прочь.

Никуда не ходи, оставайся в кровати,
Оставайся в кровати, пока не умрёшь.

Устаревшая ложь в современной печати,
В современной печати забытая ложь.

И почти ничего – из одежды на теле,
Из одежды на теле одна лишь вода.
Да и та утекла, оставайся в постели.
Оставайся в постели моей навсегда.

* * *

Ковида нет, сказал мудрец поддатый.
Другой молчал, молчал, и говорит:
Проверимся, товарищ, на ковид?
Налей же мне, философ бородатый.

Понюхали, глотнули, только речь
Вернулась к ним, сказали – слово в слово:
Похоже, от зловония такого
И сам ковид не сможет уберечь.